

КНИГА ПЕРВАЯ

В далеком кочевье

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

НАЧАЛО ПУТИ

В ологда — минус пять, Котлас — минус десять, Инта — минус двадцать пять, Лабытнанги — минус тридцать три. Приехали...

— Для начала апреля даже жарко! — с характерным акцентом подбадривал нас водитель по имени Магомет, помогая запихивать лыжи и огромные рюкзаки в уазик. Урча двигателем, машина подкатила к берегу и съехала на лед Оби. Лед в начале весны был прочным, и дорога из Лабытнанги в Салехард, столицу Ямало-Ненецкого автономного округа, заняла не более получаса.

— Уже в конце мая, когда ледоход начнется, город на месяц отрезан от Земли будет! Тогда только на вертолете добраться можно, — покачал головой Магомет. — Землей мы здесь Россию называем. Это только на карте — одна страна, а вообще-то здесь другая планета! Ну, скоро сами поймете...

Мы неслись по ярко освещенной трассе мимо огромного изваяния мамонта, мимо озаренного неоновым сиянием обелиска «Салехард — город на полярном круге». На окраине этого древнего города, среди деревянных построек, помнящих времена, когда Салехард еще назывался Обдорском, Магомет остановил свой УАЗ.

— Вот Дом оленевода! Начальство сказала вас здесь разместить. Сейчас пойдем договоримся! — Магомет подхватил мой рюкзак, и мы вошли внутрь.

Оленеводами мы не были, поэтому цена ночлега стремительно возросла с указанных в прейскуранте двухсот до семисот рублей.

— Начинаю испытывать дискриминацию русского населения коренными и малочисленными народами! — улыбнулся я Горну. Моего друга на самом деле звали Максим, но все уже давно привыкли, что он — Горн. Откуда взялось это прозвище, забыл, похоже, даже он сам.

— Ну, мы же действительно никакие не оленеводы... — вздохнул Горн.

— Это пока! — засмеялся я. — Вот найдем кочевников, научимся оленей пасти и на обратном пути будем здесь жить за двести рублей!

Следующий день ушел на сборы, закупку продуктов, проверку снаряжения. Добираться до стойбища ненцев мы планировали на лыжах. Где кочуют оленеводы, мы представляли себе весьма смутно, но были молоды, полны сил и не сомневались, что в любом случае достигнем цели.

Наша экспедиция, которая получила название «В кочевья к ненцам», поддерживалась из Москвы — Музеем кочевой культуры и турфирмой, где работал Горн. Мы должны были найти оленеводов, узнать об их обычаях, о том, как они живут сейчас, в начале двадцать первого века.

Подготовка была серьезной. Спонсорами стали компания «Россиньол», которая предоставила профессиональные лыжи, и шоколадная фабрика «Коркунов». Так что шоколада мы с собой везли едва ли не больше, чем всех остальных продуктов. Компания «Крисс-Групп»

выдала нам сани-волокушу, в которой мы планировали перевозить палатку, спальники и прочее снаряжение.

Со стороны Ямало-Ненецкого округа нам помогали председатель окружной Думы Сергей Николаевич Харючи и Управление округа по туризму. Следили за нами и спасатели: каждые сутки мы должны были выходить на связь с МЧС.

В нашем арсенале были фирменное зимнее снаряжение, подробные карты, спутниковый телефон. В общем, подготовились мы основательно. Оставалось только встать на лыжи и отправиться в путь.

Стартовали мы на следующее утро — прямо от Дома оленевода, стоящего на берегу реки Полууй. Провожать нас пришли директор Управления по туризму Ямало-Ненецкого округа, оператор местной телестудии и неунывающий Магомет.

— Ну что же, ребята, удачи! — директор крепко пожал нам руки. — Если что — мы на связи! Как вернетесь — сразу ко мне. Сделаем про ваше путешествие репортаж!

Мы подняли в прощальном салюте руки и съехали на лед реки. Апрельское солнце слепило глаза, снег весело хрустел под пластиком лыж, и вскоре домики на высоком берегу скрылись из виду. Мы, двое москвичей, остались одни среди бескрайних просторов заснеженной тундры...

МУМИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Уже вторые сутки мы с Горном шли по льду широкого Полуя, по очереди впрягаясь в лямки тяжелой волокуши с продуктами и снаряжением. Вечерело, и я с ужасом думал о еще одной ночевке в палатке. Прошлой ночью, при температуре минус тридцать семь градусов, мы так и не смогли толком заснуть, постоянно просыпались, согревая заочевенные руки и ноги у газового примуса.

Остановились передохнуть у каменистого мыса, поросшего чахлыми лиственницами. Я скинул лыжи и устало опустился на рюкзак. Горн достал перекус. Мы нарезали заледеневшее сало, разломали плитку шоколада и молча жевали, глядя на уходящую за горизонт белую даль, подернутую морозной дымкой.

— Сало в шоколаде! — усмехнулся Горн. — Прямо как в анекдоте!

— Еще одной ночи в палатке не выдержу! — честно признался я. — Мы так весь газ спалим, не дойдя до оленеводов. А потом что? Весна называется...

В тот же момент мы одновременно оглянулись на странный звук, похожий на тарахтение мотоцикла. Вскоре из-за мыса показался снегоход, тащивший большую деревянную нарту. Взревев двигателем, снегоход подъехал к нам и остановился. На стареньком «буране» восседал мужчина в меховой одежде; на нарте, закутанная

в платки, сидела женщина в украшенной орнаментами шубе.

— Э-э, зачем на лыжах идешь, а? У нас так давно никто не ходит! Вот, на «буране» ехать надо! — водитель снегохода похлопал рукой по обшарпанному капоту своей машины. — Куда идешь?

— Мы ученые из Москвы, исследуем культуру кочевников-оленеводов, — ответил я. — Вот думали на лыжах до стойбища дойти...

— Так нет здесь оленеводов, одни рыбаки! Мы, ханты, здесь рыбачим. А оленеводы — выше, в тундре...

Хант посмотрел на розовеющее закатное небо, потом на нас и сказал:

— Ночь холодная будет. У вас одежда плохая. Замерзнете. Поехали ко мне, довезу до поселка. Там узнаем, где вам оленеводов искать...

Свою волокушу мы прицепили к нарте, забросили на сани лыжи и рюкзаки, а сами устроились сверху.

— Архип меня звать, — сказал водитель. — Архип Тохма. А это жена моя, Прасковья. В город за бензином ездил, за продуктами. Ладно, поехали, темнеет уже!

Хант резко дернул шнур генератора. Не успевший остыть двигатель сразу завелся, и мы тронулись в путь.

Встречный поток морозного воздуха обжигал лицо, я натянул шарф повыше и скукожился за своим рюкзаком. Горну было не легче. На большой скорости наши хваленые куртки из суперсовременных материалов продувало насквозь. Мы ворочались, стараясь укрыться от ветра и в то же время не выпасть из нарты. Хантыйка сидела

совершенно неподвижно, лишь изредка поглядывая на нас узкими черными глазами.

Часа через два, когда от холода мы одеревенели окончательно, снегоход остановился у высокого холма посреди реки. Судя по всему, летом этот холм был островом. Наверху стояло несколько избушек, откуда-то доносилось стрекотание дизельного генератора.

— Слезайте. Подъем крутой, «буран» с грузом не потянет! — обернулся к нам Архип. — Пешком дойдете, я вас наверху подожду.

Мы соскочили с нарты и тут же принялись прыгать и хлопать себя руками по разным частям тела. Архип улыбнулся, газанул, и вскоре снегоход взобрался на вершину холма. Мы с Горном, с трудом переставляя онемевшие ноги, побрели по следу.

Архип ждал нас у своей избы. Прасковья уже распаковала сани и носила в дом мешки с продуктами. Мы с другом помогли ханту скатить бочку бензина с нарты и установить у задней стены дома.

— Во-от, надолго хватит. Двести литров! — Архип довольно улыбнулся. — Ну, пойдете в дом, а то замерзли вы, как я погляжу!

Мы вслед за хозяином вошли в избу. Под потолком тускло светила лампочка, по дому бегали ребяташки, Прасковья возилась у печки-буржуйки, обмазанной глиной.

— В избе мы зимой живем, летом чум на берегу ставим, рыбачим... — начал знакомить нас со своим хозяйством Архип. Неожиданно с улицы донеслись голоса. Хозяин посмотрел в окно:

— Старики пришли, что-то волнуются. На ваши вещи показывают. Надо разобраться...

Мы с Горном накинули куртки и вместе с Архипом вышли во двор. У нашей волокуши собралась целая толпа хантов в меховых малицах, и все что-то с жаром обсуждали. Особенно выделялся старик, который бесцеремонно тыкал палкой в припорошенный снегом тент волокуши.

— Старик спрашивает: зачем вы покойника обратно привезли? Мумию зачем в санках своих везете? — По-мрачнев, Архип посмотрел на нас.

— К-какого покойника? — не понял я.

— Летом к нам в Зеленый Яр экспедиция приезжала, ученые из Петербурга. Археологи вроде. Нашли старую могилу, раскопали, а там — мумия! Ох, как тогда старики шумели, насилу их ученые успокоили. Мумию они увезли, а нам еще долго страшно было: вдруг мертвый вернется? Пока шаман не приехал, спать боялись, детей не отпускали во двор. Потом шаман дверь в Нижний мир закрыл, мы жертвы принесли — и успокоились. А теперь вот опять...

— Да нет у нас там никакой мумии! — воскликнул не на шутку встревоженный Горн, подошел к волокуше и принялся развязывать заледеневшие узлы. Вскоре глазам хантов предстали наши спальники, палатка, мешки с провизией. Люди успокоились и понемногу стали расходиться. Один только старик долго стоял около волокуши и недоверчиво качал головой.

— Ладно, пойдете в дом! — сказал Архип. — Старик хочет обряд делать, вам нельзя смотреть...

Вскоре мы за обе щеки уплетали горячую уху, закусывая своим промерзшим в волокуше хлебом. После ухи Прасковья принесла чай с морошковым вареньем, и Архип торжественно произнес:

— Завтра у нас большой праздник — Вороний день. Вам интересно посмотреть будет. Так что спать пораньше ляжем!

Мы постелили спальники в углу избы и вскоре, разомлев от тепла и сытного ужина, крепко заснули.

ВОРОНИЙ ДЕНЬ

Утром я поднялся на рассвете, в одном термобелье выскочил из избы и умылся пушистым снегом. Солнце, вставая из-за Полуя, слепило глаза, но мороз, как и накануне, стоял градусов за тридцать.

«Бр-р, вот тебе и начало апреля!» — я передернул плечами и побежал обратно в дом.

Попив чаю с хлебом и вареньем, мы оделись и вместе с Архипом пошли по единственной улице маленького поселка. У порога каждого дома женщины в нарядных, богато расшитых меховых шубах, которые ханты называют «ягушка», присев на корточки, что-то соорудили из мха и какой-то трухи.

— Это наш старый обычай, — начал объяснять Архип. — Ворона у нас, на Севере, перелетная птица. Не холода боится — темноты, охотиться не может в полярную ночь. Вот осенью вороны и улетают на юг, в тайгу. А весной, в апреле, возвращаются, весну на крыльях приносят. Ворона — птица мудрая, священная для хантов. Поэтому ее хорошо встретить надо!

Пока Архип рассказывал, мы подошли к одной из женщин, которая уже сложила небольшую пирамидку из сухого мха и, щурясь на солнце, вглядывалась в прозрачное небо.

— Так вот, вороны издалека летят, лапки у них в пути мерзнут, как у вас вчера — ноги! — Хант усмехнулся. — Женщины берут мох, труху березовую — мы их обычно

в колыбели кладем, вроде ваших памперсов получается — и все это, еще теплое, из-под ребеночка, выносят во двор. Ворона прилетит — лапки погрееет с дороги. У какого дома первая ворона сядет, той семье весь год удача будет!

— И что, вороны правда прилетают именно в этот день? — с ноткой сомнения спросил Горн.

— Сейчас все сам увидишь! — просто ответил хант.

Мы сели на лавочку возле избы и стали ждать. Вскоре действительно откуда-то сверху донеслось знакомое хриплое карканье и показалась стая птиц. Архип провожал ворон взглядом.

— Эти не к нам, эти за реку полетели, там олениводы стоят. У них погрееются. А вот эти — наши... — Архип с какой-то детской улыбкой показал на еще одну стаю, которая кружилась над поселком. Некоторые вороны снижались, садились на крыши, и вдруг одна из птиц опустилась на землю у дома напротив.

— Вот и весна пришла! — рассмеялся Архип. — Повезло Семёну! У них зимой как раз малыш родился, труха самая теплая, наверное!

Ворона прохаживалась прямо у ног молодой женщины, а потом принялась деловито ковыряться в кучке мха.

— Смотри, смотри! Видишь, лапки греет? А ты не верил! — укоризненно посмотрел хант на Горна.

Мы с другом с недоумением переглянулись. «Дрессированные у них вороны, что ли? Да и как можно узнать о прилете птиц заранее? Чудеса какие-то!» — думал я, глядя на довольные лица хантов и не менее

довольных ворон, которые прохаживались теперь почти у каждого дома.

Через некоторое время вороны, словно на самом деле погрев лапки с дороги, с криками поднялись в воздух и, сделав круг над избами рыбаков, растаяли в морозном небе.

Тем временем к поселку съезжались гости. С «буранов», отряхиваясь от снега, слезали парни и девушки, все в нарядных одеждах. Вскоре начались состязания. Неподалеку установили десять нарт, одну за другой, и парни прыгали через нарты вперед-назад — кто дольше выдержит.

— У нас рекорд есть — тысяча восемьсот прыжков! — с гордостью сказал Архип. — Причем прыгают в тяжелой меховой одежде. Ну, вы сами видите.

После прыжков через нарты началось перетягивание палки. Ребята садились друг против друга, упирались ногами в ступни соперника, хватались за крепкую палку и тянули каждый на себя. Побеждал тот, кто поднимал противника с земли или вырывал у того палку из рук. Пары менялись, болельщики азартно кричали, подбадривая родственников или друзей. Я не удержался и тоже вышел в круг. Ханты радостно загалдели и вытолкнули вперед улыбчивого паренька очень маленького роста.

«Ну, этого-то я перетяну!» — подумал я, покрепче хватаясь за палку. Но не тут-то было! Маленький хант, продолжая улыбаться, с такой силой потащил палку на себя, что я не удержался и буквально подлетел вверх. Все вокруг смеялись, кто-то отряхивал меня от снега.

— Ничего, научишься! Здесь не сила — сноровка нужна! — сказал мой соперник.

Я протянул руку:

— Меня Костя зовут!

— И меня Костя! — пуще прежнего заулыбался маленький хант.

Подходили другие парни, протягивали крепкие ладони, и все говорили:

— Костя!..

Сначала я подумал, что мы, наверное, неправильно понимаем друг друга. Но когда седьмой по счету Костя пожал мне руку, я решил, что ханты надо мной просто издеваются. Выручил меня подошедший Архип:

— Нет, нет, не подумай плохого! — засмеялся он. — Их всех правда так зовут. Ну, мода была одно время на это имя, а они все ровесники, хотя из разных поселков. У нашего поколения старинные имена: Архип, Никодим, Авдотья. А у молодых — современные, как у вас в Москве. Так что не издевались они над тобой, а просто здоровались!

Игры и состязания продолжались до позднего вечера. Потом молодежь отправилась на «дискотеку», набившись в специально освобожденную для этого избушку. А мы с Горном наконец-то решили уточнить у Архипа, где нам искать оленеводов.

— Чумы стоят за рекой, недалеко отсюда. Ну, это на снегоходе недалеко. Вам, небось, целый день добираться, на лыжах-то! — Архип вздохнул. — Но вы не переживайте, завтра утром провожу, помогу оленеводов найти...

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

